

Панченко Алексей Борисович

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ДИСКУРСА В ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА

Статья посвящена анализу использования Л. Н. Гумилевым, которого часто называют "последним евразийцем", ключевых этнических концептов евразийского дискурса. Прослеживается эволюция понятий "Евразия", "месторазвитие" и "жизненная энергия", которые занимали важнейшее место в теории этногенеза Л. Н. Гумилева.
Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 148-150. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 39

Статья посвящена анализу использования Л. Н. Гумилевым, которого часто называют «последним евразийцем», ключевых этнических концептов евразийского дискурса. Прослеживается эволюция понятий «Евразия», «месторазвитие» и «жизненная энергия», которые занимали важнейшее место в теории этногенеза Л. Н. Гумилева.

Ключевые слова и фразы: евразийство; Л. Н. Гумилев; этнография; месторазвитие; Евразия; пассионарность.

Алексей Борисович Панченко

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин

Сургутский государственный педагогический университет

alexeyrank@rambler.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ДИСКУРСА В ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА©

Советский историк Л. Н. Гумилев, начиная со второй половины 1980-х гг., позиционировал себя как «последнего евразийца», представителя одного из крупнейших течений научной мысли в среде русской эмиграции 1920-1930-х гг. Среди участников этого движения были историки Г. В. Вернадский, Л. П. Карсавин, этнограф и лингвист Н. С. Трубецкой, географ и экономист П. Н. Савицкий, единственный из представителей «классического» евразийства, с которым был знаком Л. Н. Гумилев. Однако, как следует из опубликованной переписки между ними, Л. Н. Гумилев был знаком и с произведениями других евразийцев, в частности Н. С. Трубецкого и Г. В. Вернадского. Практически никогда прямо не ссылаясь на труды предшественников, он тем не менее использовал некоторые значимые концепты евразийского дискурса в построении собственной теории этногенеза. Среди них следует выделить такие понятия как «Евразия», «месторазвитие» и «жизненная энергия», их значение серьезно отличалось от присущего им в работах «классического» евразийства.

Понятие «Евразия» было введено в широкое использование во второй половине XIX в., когда под ним подразумевался единый континентальный массив Старого света кроме Индостана; также им обозначали центральные равнины этого континента. В начале XX в. В. П. Семеновым-Тянь-Шанским Русской Евразией было названо пространство «между Волгой и Енисеем от Ледовитого океана до самых южных границ государства» [13, с. 741]. Впервые это понятие применительно к «срединному» миру – центральной части континента – было использовано в рецензии П. Н. Савицкого «Европа и Евразия» (1921 г.) на эссе Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920 г.). Отмечалось, что абсолютно точно определить географические границы Евразии не представляется возможным, но в большинстве своем они совпадают с границами Российской империи.

Основными характеристиками Евразии у евразийцев были: периодичность природных, климатических, почвенных и растительных зон в границах региона; непрерывность в антропологическом и этнографическом смысле, когда все народы региона представляют собой «переходные типы» по отношению к соседним; монотония и наличие тембровых различий согласных в лингвистическом плане; «бытовое исповедничество» (когда вера входит в быт, а быт получает духовное освящение) как основа мировоззрения всех народов региона; противостояние Западу в геополитическом плане.

Концепт «Евразия» изначально стал частью евразийского дискурса, имея несколько смыслов: как синоним России, как определенная географическая область и как культурно-историческая категория. В качестве критериев для выделения границ Евразии в разные годы назывались географические, антропологические, этнографические, лингвистические, культурно-исторические параметры.

После распада «классического евразийства» в 1939 г. использование концепта «Евразия» для «срединного мира» прекратилось. В течение 1940-1960-х гг. понятие «Евразия» в географической науке использовалось в «воссоединяющем» смысле – объединение двух континентов – Европы и Азии [14, с. 89]. В истории, этнографии и археологии до 60-х гг. XX в. под ним также понимался единый континент. Начиная с 1960-х гг. в исторических сочинениях появляется устойчивое выражение «кочевники Евразии» и «степная Евразия», но без четкого определения концепта «Евразия» [1, с. 15, 103, 113, 339, 438].

С началом активной научной деятельности «последнего евразийца» Л. Н. Гумилева понятие «Евразия» вновь стало активно использоваться. Он пересмотрел географические границы Евразии, ограничив ее центральной областью континента [7, с. 198]. Под ней он понимал только Великую Степь с незначительными областями лесостепи в западной части. Здесь можно говорить о переносе понятия «кочевники Евразии» из области истории и этнографии в сферу географии: Евразия – это регион, в котором проживают кочевники. Произошло существенное сужение географических границ на севере и незначительное увеличение на западе за счет включения венгерской пушты.

Л. Н. Гумилев конкретизировал трактовку «Евразии» через призму этногенетической проблематики. Он обратился к идеям Н. С. Трубецкого [16, с. 295] о евразийском единстве, введя категорию суперэтнос:

«Евразия – это не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре него суперэтнос» [5, с. 291]. Евразийский континент объединяли трижды – турки, монголы и русские [Там же], при этом существенно меняется этнический состав макрорегиона. В этом определении заметно противоречие с географическим – вновь произошло расширение понятия «Евразии» до целого континента; если считать евразийский суперэтнос тождественным русскому, то Евразия по своим границам вновь совпадает с Российской империей.

Понятие «месторазвитие» было введено в евразийский дискурс в 1927 г. П. Н. Савицким в работах «Географический обзор России-Евразии», «Географические особенности России. Ч. 1. Растительность и почва» и Г. В. Вернадским в книге «Начертание русской истории. Ч. 1». Исследователями неоднократно отмечалась близость понятий «месторазвитие» евразийцев и «жизненное пространство» Ф. Ратцеля.

Понятие «жизненное пространство» было впервые озвучено немецким ученым в работе «Политическая география» (1898 г.) и в дальнейшем уточнено в труде «Земля и жизнь» (1905 г.) и ряде небольших статей. С точки зрения Ф. Ратцеля, «в земле заложен источник политического эгоизма, который делает из земли главный опорный пункт общественной жизни;... этот эгоизм состоит в том, чтобы сохранить навсегда и во что бы то ни стало национальную территорию и сделать все, чтобы остаться единственным обладателем ее даже и тогда, когда кровные узы, этническое сходство склоняли бы сердца к людям и вещам, расположенным за пределами границы» [11, с. 233]. Главным в определении «жизненного пространства» является понятие границы, которая может быть подвижной или неподвижной, но во всех случаях представляется живой, действующей силой [15, с. 79].

Подчеркивая сложность термина, П. Н. Савицкий определял его как «...“широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде” и ее к себе приспособивших» [12, с. 223] и далее: «Социально-историческая среда и ее территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт» [Там же]. Народ и месторазвитие составляют единое целое; взаимовлияние приводит к изменению обоих акторов – народ «создает» месторазвитие для своего удобства, месторазвитие приводит к трансформации народа в антропологическом, психологическом и других аспектах.

В 1950-1960-е гг. понятие «месторазвитие» было несколько уточнено П. Н. Савицким в ходе его переписки с Л. Н. Гумилевым. Соглашаясь с точкой зрения последнего о стимулирующем для развития значении «сочетания разноодарений» (этот термин использовался П. Н. Савицким как синоним фразы Л. Н. Гумилева «сочетание двух и более ландшафтов»), он выделил несколько типов месторазвитий: стимулирующие – отмеченные сочетанием географических «разноодарений» – и обычные, характеризующиеся меньшей степенью разнообразия ландшафтов [10, с. 216]. Также выделялись этноместоразвития, общеисторические и экономические месторазвития [Там же, с. 217]. Общим для всех типов является ускоряющее значение сочетания «разноодарений». Отстаивая в ходе переписки термин «месторазвитие» как более динамичный, П. Н. Савицкий выступал против термина «вмещающий ландшафт» Л. Н. Гумилева [9, с. 7-8].

В дальнейшем Л. Н. Гумилев в работе «Этногенез и биосфера Земли» (1973 г.) использовал оба термина, отдавая предпочтение понятию ландшафт [8, с. 187]. В толковом словаре, приложенном к сочинению, в качестве синонима концепта «месторазвитие» использовалось понятие «родина этноса». В незавершенном сочинении «Ритмы Евразии», опубликованном после смерти Л. Н. Гумилева, приоритет был отдан понятию «месторазвитие», под которым понимались субконтиненты, на которые делились материки, где проживали те или иные суперэтносы [7, с. 197]. Фактически ученый совмещал понятия «этноместоразвитие» и «вмещающий ландшафт». Ученый стремился развивать понятие «месторазвитие», при этом пользовался другим термином (ландшафт), более распространенным в науке, хотя и вкладывал в него иное значение.

Третьим важным понятием, заимствованным Л. Н. Гумилевым в дискурсе классического евразийства, является «жизненная энергия» или «пассионарность». Впервые о неких импульсах, получаемых народом от месторазвития и ведущих к его эволюции, было упомянуто в статье П. Н. Савицкого (под псевдонимом П. В. Логовиков) «Научные задачи евразийства» (1931 г.). Об истоках этих импульсов и их характере ничего не говорилось.

Эта идея получила развитие в работе Г. В. Вернадского «Звенья русской культуры» (1938 г.). Выделялись три важнейших фактора в существовании каждого народа – творческая жизненная энергия, месторазвитие и времяиспользование. «Жизненная энергия» связывалась автором с общими процессами становления и развития Жизни и Вселенной [5, с. 110]. Здесь заметно влияние его отца – биохимика В. И. Вернадского, высказавшего гипотезу о существовании геобиохимической энергии живого вещества биосферы. Согласно ей, источником жизни на Земле является энергия живого вещества, накапливаемая посредством трансформации энергии, получаемой из космоса. Умирая, живые организмы высвобождают энергию, обеспечивая возможность существования других жизненных форм [3, с. 46-47]. Живое вещество является одной из самых могущественных геохимических сил Земли, и его назначение – сохранение планеты и биосферы [4, с. 275].

Л. Н. Гумилев неоднократно называл в качестве предтечи идеи пассионарности В. И. Вернадского, тогда как о евразийцах отзывался как о школе, слабым местом которой было как раз отсутствие этого концепта. Кроме того, заметно влияние идей А. А. Богданова (Малиновского), согласно взглядам которого, причиной всех действий является наличие «жизнеразностей» во всех объектах природы. Само понятие «жизнеразность» было введено в науку швейцарским философом и психологом Р. Авенариусом (1843-1896 гг.), который понимал под ним полное совпадение «питания организма» и его «работы». А. А. Богданов в первой части своего сочинения «Эмпириомонизм» (1904 г.) дал этому понятию свою интерпретацию – энергетическая величина жизненных процессов [2, с. 87]. Положительная

жизнеразность – это процесс усвоения, отрицательная – затраты энергии организмом. Активная деятельность возможна только при положительной жизнеразности и подразумевает некоторые затраты энергии. Энергия понималась А. А. Богдановым не физической субстанцией, а универсальной измерительной величиной, позволяющей объяснять все жизненные процессы [Там же, с. 132-133].

Л. Н. Гумилевым давалось два определения пассионарности: как характеристики поведения («эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели» [8, с. 497]) и как энергии («избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению» [Там же]). Однако в своих работах он не уточнял, о каком именно определении идет речь. Всего им было выделено четыре фактора: общественная форма движения материи (рост производительных сил), географическая среда, логика событий и флуктуации биосферы (вариации пассионарности) [Там же, с. 333-335, 492]. Однако в дальнейшем при описании отдельных этногенезов именно пассионарность выступает на передний план, и все изменения в этносе происходят из-за ее колебания.

Несмотря на постулируемую Л. Н. Гумилевым новизну понятия «пассионарность», оно имеет свои аналогии в дискурсе классического евразийства как «импульсы месторазвития» и «жизненная энергия». Большое влияние на автора оказали В. И. Вернадский и А. А. Богданов, концепции которых были известны в советской науке, хотя и не разделялись большинством ученых.

Получив образование в СССР, стараясь работать в рамках советской исторической науки, Л. Н. Гумилев испытал и влияние школы евразийцев через общение с П. Н. Савицким и переписку с Г. В. Вернадским. В результате этого авторская методология его оказалась очень противоречивой. Л. Н. Гумилев пришел к противоречию в определении важнейшего конструкта – «Евразия», с одной стороны, сужая ее географические границы, а с другой, расширяя этнографические. Оперировав понятием «месторазвитие», он, с одной стороны, развивал идеи евразийства, а с другой, – стремился заменить его общепринятым понятием «вмещающий ландшафт». Понятие «пассионарность», несмотря на подчеркивание его новизны, также имеет параллели в евразийском дискурсе и советской науке. Таким образом, методология Л. Н. Гумилева представляет собой смешение евразийских концептов и понятий советской науки.

Список литературы

1. **Артамонов М. И.** История хазар. Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 521 с.
2. **Богданов А. А.** Эмпириомонизм: статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.
3. **Вернадский В. И.** Биосфера // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 32-183.
4. **Вернадский В. И.** Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987. 340 с.
5. **Вернадский Г. В.** Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 339 с.
6. **Гумилев Л. Н.** От Руси к России: очерки этнической истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 320 с.
7. **Гумилев Л. Н.** Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл, 2003. 608 с.
8. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. М.: Мишель и К, 1993. 512 с.
9. **Лавров С. Б.** Л. Н. Гумилев и евразийство: предисловие // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл, 2003. С. 5-18.
10. **Письма П. Н. Савицкого Л. Н. Гумилеву** // Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.: Кристалл, 2003. С. 212-242.
11. **Ратцель Ф.** Земля, общество и государство // Землеведение. 1907. Т. XIV. Кн. III-IV. С. 221-234.
12. **Савицкий П. Н.** Географический обзор России-Евразии // Мир России – Евразия: антология / сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. С. 219-232.
13. **Семенов-Тянь-Шанский В. П.** О могущественном территориальном владении применительно к России // Геополитика: антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 735-743.
14. **Серно П.** Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе: 1920-30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.
15. **Синицкий Л.** Политическая география по Ратцелю // Землеведение. 1899. Т. VI. Кн. III. С. 78-127.
16. **Трубецкой Н. С.** Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 289-367.

EURASIAN DISCOURSE ETHNIC CONCEPTS IN L. N. GUMILEV'S THEORY OF ETHNOGENESIS

Aleksei Borisovich Panchenko
Department of Social-Classical Disciplines
Surgut State Pedagogical University
alexeypank@rambler.ru

The author analyzes how L. N. Gumilev, often referred to as “the last Eurasian”, used the key ethnic concepts of Eurasian discourse and shows the evolution of the notions “Eurasia”, “place-development” and “life energy”, which occupied the most important place in L. N. Gumilev’s theory of ethnogenesis.

Key words and phrases: eurasianism; L. N. Gumilev; ethnography; place development; Eurasia; passionarity.